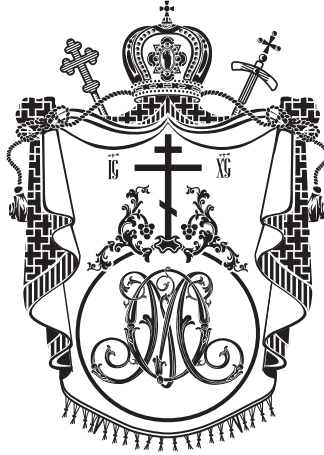

ТРУДИ
КИЇВСЬКОЇ
ДУХОВНОЇ
АКАДЕМІЇ

**За благословінням
Блаженнішого Митрополита Київського і всієї України
ОНУФРІЯ**

Українська Православна Церква

**Т Р У Д И
Київської
Духовної
Академії**

№ 32

Київ
2020

УДК 27(059)

УКРАЇНСЬКА ПРАВОСЛАВНА ЦЕРКВА
ТРУДИ КИЇВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ АКАДЕМІЇ № 32

ВИДАВНИЧА ГРУПА КДА

ГОЛОВА

єпископ Білогородський
СИЛЬВЕСТР,
*вікарій Київської Митрополії,
Ректор Київської духовної академії
і семінарії,
професор*

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ РЕДАКТОР

проф. прот. Володимир Савельєв,
голова Видавничого відділу УПЦ

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ СЕКРЕТАР

проф. В. В. Бурєга

ЧЛЕНИ ВИДАВНИЧОЇ ГРУПИ:

проф. архім. Іоасаф (Морза)
доц. прот. Василій Яковчук
проф. С. М. Бортник
доц. І. В. Хроненко
доц. О. В. Левко

Журнал зареєстровано
в Міністерстві України
у справах преси та інформації
4 червня 1996 року.

Реєстраційний номер
КВ № 2027

Передрук будь-яких
матеріалів допускається
лише з письмового дозволу
власника авторського права з обов'яз-
ковим посиланням на публікацію
в журналі «Труди Київської
Духовної Академії»

Ваші відгуки
та пропозиції просимо
надсилати за адресою:
01015, м. Київ,
вул. Лаврська, 15,
корп. 64, КДАіС.
Тел.: +38 044 255–12–06,
факс: +38 044 255–12–60
e-mail: chancellery.kda@gmail.com

Видаються з 1860 року

Зміст

ДО 400-РІЧЧЯ ВІДРОДЖЕННЯ ЄРУСАЛИМСЬКИМ ПАТРІАРХОМ ФЕОФАНОМ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКОВНОЇ ІЄРАРХІЇ В УКРАЇНІ (1620–2020)

- 9 *Митрополит Київський і всієї України ОНУФРІЙ*
Слово до читачів
- 11 *Митрополит Антоній (Паканич)*
Візит до Українських земель Єрусалимського
патріарха Феофана в контексті конфесійної
боротьби в Речі Посполитій на початку XVII ст.
- 29 *Єпископ Сильвестр (Стойчев)*
Доля «Феофанівської ієрархії» в 1620–30-ті рр.
- 45 *Чернухін Є. К.*
Грецькі написи на хресті патріарха Єрусалимського Феофана
- 59 *Ченцова В. Г.*
Разрешительная грамота Иерусалимского патриарха
Феофана «по духу своей дочери» Мелании

БІБЛЕЇСТИКА

- 75 *Протоієрей Ростислав Снігір'єв*
Київська духовна академія та створення стандартного
перекладу Святого Письма українською мовою
- 82 *Архимандрит Феофан (Меджидов)*
Пророчества Эфесской и Смирнской Церквам (Откр. 2:1–11)

БОГОСЛОВ'Я

- 101 *Митрополит Лука (Коваленко)*
Церква в образах Святого Письма
- 107 *Иеромонах Митрофан (Божко)*
Богословские аспекты епитимии
в творениях святителя Петра Могилы

ПАТРОЛОГІЯ

- 125 *Левко О. В.*
Епітафії свт. Григорія Богослова як
віршець ранньовізантійської епіграми
- 154 *Ковач С. В.*
Первый гимн прп. Ефрема Сирина «О Распятии»
(ܩܘܕܫܘܬܐ ܕܥܠ ܩܘܕܫܘܬܐ):
комментированный перевод с сирийского языка

ІСТОРІЯ КИЇВСЬКИХ ДУХОВНИХ ШКІЛ

- 177 *Бурега В. В.*
Професор Київської духовної академії Петро Кудрявцев
та його розвідка «Українознавство та візантинознавство»
- 201 *Сухова Н. Ю.*
Церковное служение выпускника Киевской
духовной академии Михаила Александровича
Кальнева: единство и противостояние
церковной миссии и «школьного» богословия

ІСТОРІЯ ЦЕРКВИ

- 221 *Ткачук В. А.*
Екатерина II в поисках Рюриковичей в Украине в конце XVIII в.
- 231 *Протоіако́н Іоанн Дробот-Тихоницький*
Священномученик Михаил Тихоницкий, пресвитер
Орловский, первый новомученик Вятской земли
- 238 *Веденеев Д. В.*
Деятельность структур Ватикана и Греко-
Католической Церкви на территории Украины
в свете документов советской спецслужбы
(вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг.)

- 254 *Протоієрей Олександр Федчук*
Місіонерське служіння у Волинсько-Рівненській єпархії в середині 1940-х рр.
- 266 *Священник Александр Добровольский*
Церковное служение архиепископа Ермогена (Голубева) в 1950–1960-е гг.
- 291 *Иеромонах Силуан (Пасенко)*
Церковно-дипломатическая деятельность епископа Леонтия (Гудимова) в контексте взаимоотношений Московского и Антиохийского Патриархатов в 1950–60-е гг.

ЛІТУРГИКА

- 307 *Акишин С. Ю.*
Профессор А. А. Дмитриевский как преподаватель литургики в Киевской духовной академии: источники, структура курса, отзывы студентов

БОГОСЛОВСЬКА ОСВІТА

- 343 *Священник Кристиан Соня*
Богословское и конфессиональное образование в современной Румынской Православной Церкви: случай Трансильвании

ПРОПОВІДЬ

- 353 *Митрополит Антоній (Паканич)*
Церква Христова — Єдина, Свята, Соборна та Апостольська
- 359 *Єпископ Сильвестр (Стойчев)*
Слово на монашеском постриге
- 364 *Єпископ Виктор (Коцаба)*
Проповедь в день праздника Сретения Господнего

БІБЛІОГРАФІЯ

- 367 *Бортник С. М.*
Рецензия на: *Russell Norman. Gregory Palamas and the Making of Palamism in the Modern Age* [Рассел Норман. Григорий Палама и создание паламизма в современную эпоху]. Oxford University Press, 2019. 288 p. ISBN 9780199644643

-
- 374 *Левко А. В.*
Рецензия на: *Адриан (Пашин), игум.* Главное христологическое произведение преподобного Анастасия Синаита «Путеводитель».
СПб, 2018. 408 с. ISBN: 978-5-906627-48-3
- 377 *Архимандрит Феофан (Меджидов)*
Рецензия на: *Николай (Сахаров), иером.*
Евангелие от Марка. Учебное пособие для студентов Московской духовной академии.
Издание кафедры библеистики МДА, 2019. 323 с.
- 381 Про авторів

Сухова Н. Ю.

**Церковное служение
выпускника Киевской
духовной академии Михаила
Александровича Кальнева:
единство и противостояние
церковной миссии
и «школьного» богословия**

Вторую половину XIX — начало XX в. можно назвать «золотым веком» в истории церковной миссии в России: на ее развитие обращалось усиленное внимание высшей церковной власти, епископата, духовенства, общества; активно действовали миссионерские общества, издавались миссионерские журналы; для обмена опытом и централизации усилий в 1865 г. было создано Миссионерское общество, в 1913 г. при Святейшем Синоде был учрежден Миссионерский Совет. В миссионерском порыве участвовали и высшие духовные школы, однако с этим участием были связаны немалые проблемы. Поскольку и ныне «школьная» подготовка миссионеров и миссионерство как научно-богословская тема ставят много вопросов, опыт прошлого вполне актуален.

В данной статье указанная проблема и опыты ее решения рассматриваются через призму церковного служения одного из выпускников КДА конца XIX в. Михаила Александровича Кальнева (1864 — после 1934). Он не является мало известной личностью: ему посвящены именные статьи в юбилейных изданиях КДА, его упоминают исследователи церковной миссии в России и истории русского зарубежья¹. Однако обширные материалы, связанные с миссионерским служением М. А. Кальнева, преимущественно остаются вне поля исследовательского внимания, а они интересны не только с точки зрения биографии конкретной

¹ В статье используются принятые сокращения названий духовных школ: СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КДА — Киевская духовная академия; КазДА — Казанская духовная академия; ДС — духовная семинария.

Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: в 3 т. К., 2015. Т. 2. С. 22–23; Київська духовна академія в іменах (1819–1924): Енциклопедія / упоряд. та наук. ред. д-р філос. наук, проф. М. Ткачук: в 2 т. К., 2015. Т. 1. С. 660–662; Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2011. С. 74, 102 и далее; Шкаровский М. В. Русская церковная эмиграция в Болгарии в 1920-е гг. // ХРО-НОС: Церковно-исторический альманах. Вып. 4. Минск, 2017. С. 52 и др.

личности, но и с точки зрения реализации евангельского призыва в конкретных исторических условиях очень непростых отношений Церкви и государства, Церкви и общества. Кроме того, проблема связи церковной миссии и академического богословия подразумевает особый ракурс и в рассмотрении известных событий в судьбе М. А. Кальнева. Он учился в КДА в 1886–1890 гг., и сама эпоха в связи с темой статьи требует комментария.

Эпоха 1880–1890-х гг., главным принципом которой стало воспитание всех слоев российского народа в верности Православной Церкви и Российскому престолу, усилило церковно-практическую составляющую в духовной школе, и подготовке ее студентов к миссионерским трудам придавалось немалое значение, причем не только в семинариях, но и в академиях. Уставом 1884 г. при КазДА была введена группа миссионерских дисциплин, а в 1889 г. при этой академии были открыты двухгодичные миссионерские курсы². В 1885 г. на архиерейском съезде в Казани было признано необходимым учредить должности епархиальных миссионеров, причем с определением на них лиц с высшим духовным образованием. Впрочем, учреждение этих должностей в епархиях и конкретизация круга обязанностей продолжались на протяжении десятилетия. С 1887 г. началась традиция всероссийских миссионерских съездов, на которых неотступно высказывались пожелания привлекать к делу миссии выпускников духовных школ, а в самих школах усиливать миссионерскую составляющую. Почти ежегодно к выпускникам всех академий обращался призыв пополнить состав Пекинской и Японской миссий. Казалось бы, регулярная связь академического богословия с миссионерской практикой налажена. Однако все было не так просто. Темы, связанные с русским расколом, сектантством, нехристианскими вероисповеданиями пользовались вниманием преподавателей, студентов и выпускников академий: источники, не только выявляемые в архивах, но и собираемые в экспедициях, открывали широкое поприще для исследований и обещали новые результаты. Но научное изучение того, кого предполагали просвещать благовестием Христовым, далеко не всегда гармонично сочеталось с самой практикой этого просвещения.

М. А. Кальнев был вполне традиционным студентом высшей духовной школы. Сын сельского священника Херсонской губернии, прошедший полные курсы в духовном училище и семинарии в Одессе³, он окончил академию одним из лучших на курсе — пятым по разрядному списку кандидатом-магистрантом, представив при выпуске кандидатскую диссертацию по кафедре догматического богословия, посвященную «Из-

² Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1888/89 уч. г. Казань, 1889. С. 31–39.

³ РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Святейшего Синода). Оп. 441. Д. 127. Л. 31–33. Кальнев Михаил Александрович (послужной список).

ложению божественных догматов» блаженного Феодорита Кирского⁴. Выбор темы вполне вписывался в общий интерес русского богословия конца XIX — начала XX в. к авторам Антиохийской школы. Отзывы, данные профессорами Митрофаном Ястребовым и Маркеллином Олесницким, были похвальны: автор диссертации проявил богословскую эрудицию, проведя сравнительный анализ с подобными более ранними опытами — Оригена, святителей Кирилла Иерусалимского и Григория Нисского — по структуре, методу, содержанию; показал умение критически работать с богословскими источниками и литературой, «чувство логической меры», исследовательскую самостоятельность⁵. Отнесение автора к I-му разряду позволяло дорабатывать исследование и представить в качестве магистерской диссертации без новых экзаменов. Но этого не произошло. Возможно, причиной было то, что в 1890–1891 гг. была опубликована и защищена магистерская диссертация выпускника МДА Н. Н. Глубоковского, посвященная блаженному Феодориту⁶. Эта работа, очень высоко оцененная как российскими, так и европейскими богословами, казалось, на несколько лет «закрыла тему».

Однако, возможно, причиной оставления М. А. Кальневым кандидатской темы стали его новые интересы, связанные с церковным служением епархиального миссионера, сперва на протяжении двух лет в Ставропольской епархии, затем, с 1894 г. вплоть до революции, в родной Херсонской. В последней миссионерская работа и по отношению к старообрядцам, и по отношению к сектантам велась достаточно активно. Архиепископ Херсонский и Одесский Иустин (Охотин), занявший кафедру в сентябре 1893 г., попытался реорганизовать на новых началах как противораскольническую, так и противосектантскую миссию, наладил традицию регулярных епархиальных миссионерских съездов. В 1894 г. владыка разделил все приходы епархии на семь миссионерских округов, каждый из которых возглавлялся наиболее способным к миссионерской деятельности священником⁷. В Одесской ДС регулярно проводились собеседования с сектантами⁸. Тесную связь с Херсонской епархией имел уже знаменитый к тому времени миссионер Василий Михайлович Скворцов (1859–1932), выпускник КДА 1884 г.: его брошюры часто служили основой для собеседований с сектантами как на базе семинарии, так и на приходах. Большой вклад в миссионерскую полемику

⁴ ИР НБУВ. Ф. 304 (Диссертации студентов КДА). Д. 1186. Михаил Кальнев. Изложение божественных догматов блаженного Феодорита Кирского. 1890. 272 с.

⁵ Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1889/90 уч. г. К., 1891. С. 257–259.

⁶ Глубоковский Н. Н. Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность. Церковно-историческое исследование: в 2 т. М., 1890–1891.

⁷ Херсонские епархиальные ведомости (далее: Херсонские ЕВ). 1894. № 24. С. 562–563.

⁸ Там же. 1895. № 3. С. 75–76 и др.

вносило Одесское Свято-Андреевское Братство, действовавшее в епархии начиная с 1880 г. и к 1890-м гг. взявшее на себя организацию духовно-просветительской деятельности в епархии. Члены Братства были уверены, что «во всем юго-западном крае нашего обширного Отечества главными врагами Православной Церкви являются рационалистические и мистические секты»⁹, поэтому именно на борьбу с сектантами Братство направляло острие своей работы. Для «распространения в народе здорового православно-христианского учения» Совет Братства издавал, приобретал и рассылал по приходским церквям для библиотек и бесплатной раздачи народу сотни тысяч книжек, листовок и брошюр противосектантского содержания¹⁰. Возглавлял Совет Братства многолетний ректор Одесской ДС (1868–1900) и редактор «Херсонских епархиальных ведомостей» протоиерей Мартирий Федорович Чемена, выпускник КДА 1855 г. Именно по предложению Совета Братства, озбоченного расширением миссионерской деятельности, преосвященный Иустин учредил в 1894 г. должность епархиального противосектантского миссионера и пригласил на нее М. А. Кальнева (утверждение состоялось 11 апреля)¹¹.

Причисление в 1894 г. секты штундистов, очень распространенной в Херсонской епархии, к категории «особо вредных» потребовало еще большей активизации миссионерской работы¹². И М. А. Кальнев оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он регулярно совершал объезды главных «зараженных сектантскими лжеучениями» местностей Херсонской епархии, пребывал там по 2–5 дней и вел миссионерские беседы как с православными, так и с сектантами¹³. Первые успехи М. А. Кальнев имел уже на начальном этапе деятельности. Так, в одном из сел «на торжественной по многолюдности и обстановке беседе» он довел местных штундистских вожаков до публичного признания того, что «различие между св. иконами и идолами, действительно, есть и что в Священном Писании Нового Завета нигде нет запрещения почитать св. иконы»; вызвал покаяние и возвратил в православие несколько штундистских семей¹⁴.

Если на первом этапе М. А. Кальнев работал в строю миссионеров Свято-Андреевского Братства, то со временем он приобретал все больший авторитет в качестве организатора миссии в епархии и, что было

⁹ Херсонские епархиальные ведомости (далее: Херсонские ЕВ). 1895. № 3. С. 78.

¹⁰ Отчет о действиях Одесского Свято-Андреевского Братства в 1893/94 году // Прибавление к Херсонским ЕВ. 1895. № 4. С. 78–97; № 5. С. 110–127; № 6. С. 137–146.

¹¹ Херсонские ЕВ. 1895. № 4. С. 79.

¹² Высочайше утвержденное 4 июля 1894 г. положение Комитета Министров о причислении секты штундистов к категории особо вредных в церковном и государственном отношениях сект // Прибавление к Херсонским ЕВ. 1895. № 3. С. 61–62.

¹³ Херсонские ЕВ. 1895. № 4. С. 79–82 и далее.

¹⁴ Там же. С. 87, 90–92, 97.

особенно важно, ее «интеллектуального укрепления»: составления брошюр, «бесед» и прочих текстов, которые могли использоваться другими миссионерами, не имевшими достаточной богословской подготовки¹⁵. Не только активная практическая деятельность, но и большое количество статей, опубликованных в «Миссионерском обозрении», «Миссионерском сборнике», «Херсонских епархиальных ведомостях», изданных брошюр, сделанных докладов, связанных с миссией, свидетельствовало о том, что миссия стала для Кальнева делом жизни. К началу XX в. он уже был одним из наиболее опытных миссионеров не только Херсонской епархии, но и Русской Церкви. Немало значили связи и взаимопомощь миссионеров юго-западных епархий. Так, у М. А. Кальнева установились тесные отношения с миссионером Киевской епархии (с 1898 г.) Саввой Михайловичем Потехиным, с 1901 г. священником.

Но в 1905 г. «миссионерский вопрос» приобрел особую остроту, особенно в связи с указом от 17 апреля «Об укреплении начал веротерпимости». Старообрядцы радикального настроения и сектанты расценили этот указ как возможность начать собственную проповедь, обнаружить и активизировать свои достаточно хорошо организованные структуры: миссионерские сети, школы, связь с зарубежными центрами. Более того, многочисленные дискуссии начала XX в. о свободе совести обнаружили даже среди части православных мнение о недопустимости миссии как таковой, необходимости упразднения должности епархиальных миссионеров. Все это существенно осложняло ведение православной миссии, но в Херсонской епархии она получила новый импульс в лице архиепископа Херсонского и Одесского Димитрия (Ковальницкого), перемещенного на кафедру из Казани 26 марта 1905 г. и поддержавшего все миссионерские инициативы. Так, с его благословения 20–24 сентября 1905 г. в Одессе был проведен Областной съезд миссионеров южных епархий. Главной задачей съезда стала выработка способов миссионерской деятельности, соответствующих новой ситуации, которую обусловили веротерпимость и свобода совести, обещанные в императорском указе¹⁶. Преосвященный Димитрий в период обучения М. А. Кальнева в КДА был профессором академии и в дальнейшем служении доверял своим бывшим ученикам, тем более ставшим уже профессионалами своего дела. Поэтому М. А. Кальнев был одной из ключевых фигур на областном съезде. В качестве товарища председателя съезда он вел большую часть заседаний¹⁷ и как весьма успешный епархиальный мис-

¹⁵ Там же. 1905. № 16. С. 276; № 21. С. 654; № 24. С. 726 и др.

¹⁶ Речь Высокопреосвященного Димитрия, Архиепископа Херсонского и Одесского, пред открытием Областного Съезда миссионеров в городе Одессе // Херсонские Ев. 1905. № 23. С. 415–416.

¹⁷ Областной Съезд миссионеров южных епархий в городе Одессе (с 20 по 24 сентября), его труды и постановления // Там же. С. 413–423; № 24. С. 437–447; 1906. № 3. С. 48–64.

сионер делился опытом организации миссии в епархии: кроме епархиального миссионера в епархии есть пять его помощников — уездных миссионеров, а также местные благочиннические миссионеры, главная задача которых — и «скорее узнавать о пропаганде сектантской и быстрее принимать меры противодействия ей»¹⁸. Кальнев же предложил обсудить крайне важный в условиях общественного подъема и стремления к активизации приходских общин вопрос о создании общественных «миссионерских кружков». Сам он видел в подобном движении как пользу (вовлечение в миссионерскую деятельность «непрофессионалов», то есть, мирян, готовых отстаивать свою веру), так и возможный вред (борьбу за власть, авторитет, возможные противоречия с представителями «официальной» миссии и приходским духовенством)¹⁹.

Следует отметить, что М. А. Кальнев пытался найти срединный путь между поддержкой местных общественных инициатив и сохранением церковной централизации. Так, он принимал участие в дискуссии о возможном издании Библии на украинском языке. Следует пояснить, что эта дискуссия возникла в связи с тем, что в 1905 г. в Российской империи был снят запрет на печать церковных книг на украинском языке. После этого Синод поручил Московской синодальной типографии подготовить к изданию украинский перевод Евангелия с параллельным славянским текстом²⁰. М. А. Кальнев предостерегал от поспешности в этом деле. Он полагал, что украинский язык (который он называл «малорусским наречием») еще не готов к выражению религиозных понятий; кроме того, даже при корректировке перевода необходимо издавать его только при Святейшем Синоде, во избежание «злоупотребления текстом»²¹. Тем не менее в 1906–11 гг. в Синодальной типографии в свет вышли издания всех четырех Евангелий на украинском языке²².

Сподвижником М. А. Кальнева с октября 1906 г. стал второй епархиальный миссионер (противостарообрядческий) — закончивший в 1905 г. КДА Григорий Васильевич Чиннов, постоянным пребыванием которому был определен Елисаветград²³. Совет Свято-Андреевского Братства усилил штат «разъездных» миссионеров, проводивших свою жизнь «в походе». По мере пополнения миссионерских сил сам Каль-

¹⁸ Херсонские ЕВ. 1905. № 24. С. 445.

¹⁹ Там же. 1906. № 3. С. 48–49.

²⁰ Стародуб А. В. Видання українського перекладу Євангелія (1905–1912) (за матеріалами архіву Московської синодальної друкарні) // Проблеми історії України XIX — поч. XX ст. Вип. 6. К., 2003. С. 322–323.

²¹ Херсонские ЕВ. 1905. № 24. С. 52.

²² Антоний (Паканич), митр. Переводы Священного Писания на украинский язык: история и современность // Современная библеистика и Предание Церкви. Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви / отв. ред. М. Г. Селезнёв; науч. ред. Р. А. Адамянц, Л. В. Шуляков. 2-е изд. М., 2017. С. 52–53.

²³ Херсонские ЕВ. 1907. № 10. Часть офиц. С. 161.

нев чувствовал ответственность за оснащение работы миссии полноценным комплексом необходимой литературы, ибо одним из его коллег не хватало знаний, другим — опыта.

Авторитет М. А. Кальнева как миссионера был подтвержден приглашением его в 1906 г. в числе наиболее авторитетных епархиальных миссионеров принять участие в работе VI Отдела (по вопросам веры) Предсоборного Присутствия²⁴. Главный принцип Присутствия состоял в привлечении к обсуждениям церковных проблем лучших специалистов и практиков того или иного дела, что неоднократно подтверждалось председателем Присутствия митрополитом Антонием (Вадковским). Именно этим специалистам поручалось составление проектов, направленных на решение проблем, которые в дальнейшем обсуждались отделами. В целом и начальные идеи, и обсуждения, и проекты Отдела подтверждали епархиальный опыт. Так, уже в первых заседаниях VI Отдела было заявлено: даже самого ревностного служения епархиальных миссионеров явно было не достаточно для православной миссии, поэтому необходимо вовлечение в нее, кроме «профессиональных» миссионеров, всего приходского духовенства и даже активных мирян, а в связи с этим систематизация и централизация общих миссионерских усилий.

М. А. Кальнев был включен в подкомиссию, которая под руководством профессора КазДА Н. И. Ивановского составляла основные проекты, связанные с организацией миссии. В проекте предлагалась детальная организация и централизация миссионерской деятельности на приходском, уездном, епархиальном и общецерковном уровнях. Особое внимание в проекте обращалось на образование всех тех, кого можно было привлечь к миссии. Для получения приходскими священниками «более обширных сведений и практических знаний для борьбы с расколосектантством и инославием», особенно в «зараженных» сектами приходах или уездных городах предусматривалось устраивать курсы под руководством епархиального миссионера. Подготовка уездных миссионеров требовала особой программы, для чего предлагалось ввести специальный 7-й класс в одной семинарии каждого из проектировавшихся митрополичьих округов. Согласно проекту, епархиальному миссионеру необходимо высшее духовное образование, при этом преподавание раскола и сектантства в академиях должно быть усилено, с организацией отдельных кафедр по расколу и сектантству, проектируемую же на протяжении нескольких десятилетий академию в Вильне сразу сделать специально-миссионерской. Авторы проекта считали необходимым вовлечение в миссионерскую систему не только всех приходских пасты-

²⁴ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: в 4 т. Т. 2. М., 2014. С. 125.

рей и миссионеров-специалистов, но и «ревнителей веры из народа», а для получения ими требуемых для ведения миссии знаний — устроить миссионерские курсы и школы²⁵. Концепция вполне отвечала общему настрою времени: оживление прихода через совместное служение пастыря и паствы делу духовного просвещения. Для централизации специальной миссионерской работы предлагалось учредить Миссионерский Совет при Святейшем Синоде, а для централизации общественной — Всероссийское миссионерское общество²⁶. На М. А. Кальнева была возложена подготовка и особых частей общего проекта: об организации городской миссии, а в компании с коллегой по епархиальному миссионерству И. Г. Айвазовым — по организации пастырско-миссионерской деятельности военного и морского духовенства. В целом предложения были те же: издавать миссионерские брошюры и памятки, завести библиотеки для духовного просвещения, проводить беседы, курсы, организовывать кружки и общества ревнителей православия, устраивать пастырские съезды по обмену миссионерским опытом²⁷. Однако следует обратить внимание на одно замечание М. А. Кальнева: с одной стороны, именно крупные города являлись главными центрами, откуда исходила пропаганда сектантов «по селам и деревням», с другой же — духовенство этих городов, имея лучшее, чаще всего, духовно-академическое образование, чувствовало себя слишком «аристократично» для того, чтобы заниматься противораскольнической и противосектантской полемикой²⁸. Таким образом, богословская наука в лице самого образованного духовенства, с точки зрения Кальнева, не желала вставать под знамя миссионерской работы.

В среде, причастной к миссионерской практике, М. А. Кальнев считался одним из лучших специалистов по мистическим сектам и, прежде всего, хлыстовству. Поэтому он был привлечен и к составлению специальных докладов по хлыстовству: «О миссионерских мерах по отношению к мистическим сектам», «О признаках хлыстовства»²⁹. Доклады были неоднозначно восприняты членами Отдела, наиболее острую дискуссию вызвал тезис Кальнева о необходимости жестко маркировать сектантов и «торжественно предать всенародному отлучению всех упорствующих явных хлыстов», призывая весь православный народ прервать с ними общение, а для убедительности этого призыва всячески усилить противосектантское образование народа³⁰. Впрочем, стремле-

²⁵ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: в 4 т. Т. 2. М., 2014. С. 148–153.

²⁶ Там же. С. 236–244.

²⁷ Там же. С. 262–265.

²⁸ Там же. С. 262, 264.

²⁹ Там же. Т. 4. С. 4–6, 16–17.

³⁰ Там же. С. 34–41.

ние отделить сектантов от православного общества требовало более четкого определения самого понятия «сектант». Однако, несмотря на усилия Кальнева и других миссионеров, как в период работы Присутствия, так и в последующие годы четкости в этом вопросе не было.

Поскольку созыв Всероссийского Церковного Собора задержался на 11 лет, идеи и проекты, обсуждавшиеся на Предсоборном Присутствии, казалось бы, не могли получить быстрой реализации. Но, тем не менее, в миссионерской сфере было не совсем так, ибо обсуждение проблем продолжалось не только на страницах специальных миссионерских журналов, но и воочию — на миссионерских съездах. В Херсонской епархии и преосвященный Димитрий, и Свято-Андреевское Братство, и «штатные» миссионеры старались максимально усилить стабильную миссионерскую деятельность. М. А. Кальнев всеми силами старался реализовать идеи и проекты Предсоборного Присутствия, не требовавшие общецерковных решений. Для «простецов» в епархии устраивались миссионерские внебогослужебные беседы, для «мудрецов» — богословские чтения антисектантской направленности; проводились собеседования с представителями как мистических, так и рационалистических сект; пополнялись антисектантские отделы семинарской и братской библиотек. В программы испытаний для лиц, искавших места клириков, но не имевших соответствовавшего образования, были введены обязательные «миссионерские отделы»: для искавших места диакона и иерея — «По обличению сектантства» (основанные на брошюрах священника Иустина Ольшевского, впоследствии епископа Сильвестра,³¹ и М. А. Кальнева), для искавших места псаломщиков — «По истории сектантства»³². Централизации епархиальной миссионерской деятельности содействовало устройство Дмитриевского Херсоно-Одесского епархиального дома, освященного 22 января 1910 г. и ставшего местом проведения глобальных миссионерских мероприятий, собиравших более 1500 человек: чтений по истории конкретных русских сект, по истории миссии и т. д.³³ При Дмитриевском епархиальном доме была учреждена типография, ориентированная, прежде всего, на миссионерские издания.

Заметные сдвиги в решении поставленных миссионерских задач начались после 1912 г., когда вновь оживились надежды на созыв Церковного Собора и был организован новый подготовительный орган — Предсоборное Совещание. И хотя работа этого органа шла гораздо менее динамично, чем работа Предсоборного Присутствия, все же

³¹ Иустин Ольшевский, свящ. Задачи нашей противосектантской миссии. Полтава, 1892; он же. Обличение штунды в библейских текстах. Полтава, 19102 и др.

³² Херсонские ЕВ. 1913. № 12. Отдел неофиц. С. 275, 288.

³³ Там же. 1910. № 2. С. 22–23; № 4. Дмитриевский Херсоно-Одесский епархиальный дом. С. 1–4; 1912. № 15. Отдел неофиц. С. 351–372 и др.

некоторые проекты, в том числе, миссионерские, получили реализацию. Так, в 1913 г. был учрежден Миссионерский Совет; в епархиях старались систематизировать уже имевшийся опыт по проведению миссионерских курсов разных уровней как для духовенства, так и для мирян. Один из наиболее успешных вариантов таких курсов был реализован в Херсонской епархии и, разумеется, активное участие в этом принимал М. А. Кальнев. На начальном этапе его инициативы были поддержаны преосвященным Димитрием (Ковальницким): именно при нем была высказана идея организации пастырско-миссионерских курсов при Григорие-Бизюковом монастыре. Но официальное решение о проведении курсов было принято уже после кончины преосвященного Димитрия († 03.02.1913), при новом архиепископе Херсонском и Одесском Назарии (Кириллове), также выпускнике КДА 1880 г. Программу курсов разработали М. А. Кальнев и Г. В. Чиннов, причем мероприятие замышлялось довольно грандиозным: на две недели в монастыре предполагалось собрать 100 «непрофессиональных» миссионеров — 94 священника и 6 «кружковцев» — мирян, а сверх этого — всех 12 миссионеров епархии³⁴. Программа должна была состоять из вопросов «специально противосектантского полемического характера», их палитра определялась брошюрами М. А. Кальнева³⁵. Однако в реальности мероприятие оказалось еще более грандиозным: с 6 по 23 июня 1913 г. в монастыре собралось более 160 человек: 120 священников, 10 только что окончивших курс, 30 мирских ревнителей православия, несколько миссионеров из других епархий³⁶. Один из них, упомянутый выше киевский миссионер протоиерей Савва Потехин, выступивший вместе с М. А. Кальневым в качестве руководителя курсов, оценил херсонские курсы, как наилучшие по организации, сочетавшие достаточно высокий уровень лекций, насыщенную общую литургическую жизнь, «взаимные собеседования после лекций», принимавшие «характер настоящих диспутов» и служивших «живой наглядной школой, как нужно вести беседы». Особо отмечались вдохновенные речи М. А. Кальнева, сетовавшего, что «жатвы много, а делателей мало», и призывавшего курсистов «со всей энергиею приняться за изучение сектантства и приемов борьбы с ним»³⁷.

Первый опыт курсов такого масштаба оказался удачным, что вдохновило организаторов на их ежегодное продолжение; и в самом деле 10–

³⁴ Херсонские ЕВ. 1913. № 8/9. С. 177–179.

³⁵ Кальнев М. А. Сборник 12-ти главнейших противосектантских бесед. Одесса, 1911; он же. Обличение лжеучения русских сектантов-рационалистов (штундобаптитов, адвентистов, «евангельских христиан», молокан, духоборов и др.) Одесса, 1913 и др.

³⁶ Херсонские ЕВ. 1913. № 12. Отдел неофиц. С. 314–328; № 16. Отдел неофиц. С. 408–420; Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 25. Неофиц. часть. С. 735.

³⁷ Там же. С. 736.

19 июня 1914 г. курсы были проведены еще раз³⁸. В принципиальном отношении их задачи и программа повторялись: подготовить пастырей и преданных делу веры мирян к работе с сектантами, а для этого читать, причем в «живом режиме», «лекции по обличению современного сектантства», охватывающие наиболее актуальные для Херсонской епархии «лжеучения сектантов-рационалистов: штундистов, баптистов, адвентистов, пашковцев и др.»». Особенности этого года стало повышенное внимание к проблемам «последнего дня»: социализму и «афонитам-имябожникам» (имяславию)³⁹. Как и в прошлом году, основными лекторами выступили М. А. Кальнев, Г. В. Чиннов и приглашенный протоиерей Савва Потехин. Но дополнительным вдохновением курсов 1914 г. послужило то, что в октябре 1913 г. наместником Григорие-Бизюкова монастыря был назначен архимандрит Арсений (Чаговец). Он имел богатый личный миссионерский опыт: был членом Американской православной миссии (1903–1908) и ее канадского филиала (1908–1910); епархиальным миссионером-проповедником Харьковской епархии, где он особенно успешно проповедовал среди баптистов, евангелистов и скопцов (1911–1913)⁴⁰. Объединение усилий увенчалось успехом: в работе курсов 1914 г. вполне гармонично сочетались два миссионерских крыла — епархиальных миссионером и монашеской миссии.

Перспективы Григорие-Бизюковских пастырско-миссионерских курсов оказались еще более значимыми. Еще у преосвященного Димитрия (Ковальницкого) была идея учредить при монастыре особое церковно-богословское училище, которое было бы открыто для лиц всех сословий — прежде всего, из «молодой целины простого русского народа», имеющих желание служить Церкви преимущественно в священном сане⁴¹. Сразу же после благополучного проведения первых курсов в июне 1913 г. уже преосвященным Назарием была назначена комиссия для разработки Устава подобного училища, куда был включен и М. А. Кальнев. Состав комиссии определил особенности проектируемой школы — миссионерскую направленность⁴². В январе 1914 г. проект положения о пастырско-миссионерской семинарии при Григорие-Бизюковом монастыре был представлен архиепископом Назарием Святейшему Синоду, а после экспертизы Учебного комитета указом Синода от 5 февраля утвержден. Семинария предполагалась трехгодичной, общежитие и 100 стипендий полагались от монастыря, ректором должен был стать

³⁸ Киевские епархиальные ведомости. 1914. № 13/14. Отдел неофиц. С. 423–442; № 15. Отдел неофиц. С. 475–482; № 16. Отдел неофиц. С. 498–504.

³⁹ Там же. 1914. № 5. Отдел неофиц. С. 478.

⁴⁰ Там же. 1913. № 27. С. 519; Прил. к Херсонским Ев. 1913. № 22. С. 99–100.

⁴¹ Там же. 1914. № 5. Отдел неофиц. С. 478; № 19. С. 589–591.

⁴² Там же. № 19. Отдел неофиц. С. 592–593.

наместник монастыря, учащими — его насельники в священном сане⁴³. 15 августа того же 1914 г. семинария была открыта, и с 1 сентября началось обучение 20 учащихся первого набора⁴⁴. М. А. Кальнев не был включен в состав преподавательской корпорации, но им были составлены начальные программы по «Истории православно-христианской миссии» и «Истории и обличению сектантства с практическими занятиями». Последняя дисциплина была для М. А. Кальнева особенно важна, ибо выражала его взгляды на школьную подготовку полемистов с сектантами, сочетающую теоретические и практические элементы.

Для М. А. Кальнева бурные события 1912–1913 гг. в миссионерской жизни Херсонской епархии стали стимулом к систематизации наработок, связанных с российскими рационалистическими сектами. На основе этого была составлена монография⁴⁵, изданная еще в 1913 г. и состоящая из двух основных частей. Первая и большая по объему представляла программу пастырско-миссионерских курсов 1913 и 1914 гг. (24 беседы, связанные с обличением сектантов-рационалистов, с. 1–526), вторая — собственно самостоятельный труд, посвященный молитвенным песнопениям сектантов-рационалистов (с. 529–643). Беседы первой части: о Священном Предании, о Священном Писании, о Святой Церкви Христовой, об истинном священстве, о молитвенном почитании и призывании святых, о молитвенном почитании и призывании Пресвятой Богородицы и пр. — строились однотипно. Вначале давалось краткое ориентирующее введение с определением основных понятий, затем приводились типичные тезисы сектантов-рационалистов с православным возражением, сектантские вопросы и рекомендуемые православные ответы. Вторая часть, претендующая на исследование, состояла из четырех глав: история сектантских песнопений; критический разбор их содержания с обличением внутренних противоречий; попытка их филологического (языкового) разбора; критический разбор песнопений с обличением вероисповедных противоречий. Востребованность этой работы на ниве миссии была подтверждена не только самими пастырско-миссионерскими курсами, но и похвальными отзывами коллег-миссионеров. Так, упомянутый выше протоиерей Савва Потехин отмечал в своей рецензии, что труд М. А. Кальнева является «полным и достойным своего предмета руководством», которое удовлетворяет «всем современным потребностям устного и письменного обличения сектантства»⁴⁶.

⁴³ Там же. 1914. № 4. Отдел офиц. С. 20–28.

⁴⁴ Там же. № 19. С. 595–599.

⁴⁵ Кальнев М. А. Обличение лжеучения русских сектантов — рационалистов (штундобаптистов, адвентистов, «евангельских христиан», молокан, духоборов и др.) Одесса, 1913.

⁴⁶ Потехин С., прот. Библиографическая заметка: М. А. Кальнев. Обличение лжеучения русских сектантов-рационалистов (штундобаптистов, адвентистов, «евангельских христиан»),

Общее миссионерское воодушевление, поддержка Учебным комитетом и Святейшим Синодом проекта пастырско-миссионерской семинарии, высказываемые замечания о необходимости укрепления миссии соответствующими богословскими пособиями побудили М. А. Кальнева повысить статус своей работы, а возможно, и свой личный. И в конце 1913 г. он подал указанную монографию в Совет КДА в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра богословия. Однако реакция членов корпорации была неоднозначной, точнее диаметрально противоположной, что выявилось на заседании академического Совета 27 марта 1914 г. Официальные оппоненты — и. д. доцента священник Николай Фетисов и сверхштатный заслуженный ординарный профессор С. Т. Голубев — дали не только положительные, но и весьма похвальные оценки представленного труда⁴⁷.

Наиболее интересным является отзыв первого рецензента, как занимавшего профильную кафедру истории и обличения русского сектантства. Следует иметь в виду, что о. Н. Фетисов после окончания академии в 1908 г. и годового стипендиатства при кафедре патристики, с декабря 1909 г. по август 1912 г. служил в Херсонской епархии, с января 1910 г. был старшим священником Свято-Димитриевского храма при Херсонно-Одесском епархиальном доме, был членом Совета Свято-Андреевского Братства и одним из сподвижников Кальнева⁴⁸. Заняв профильную кафедру, он пытался найти правильные принципы преподавания своей дисциплины; определить ее место и значение в научном богословии, с одной стороны, и в подготовке студентов академии к церковному служению — с другой; соотношение теоретического изучения сектантства и практического навыка полемики с ним. Поэтому о. Н. Фетисов с особым уважением относился к заслугам автора поданной диссертации в миссионерской противосектантской деятельности, что особо и отмечал в своем отзыве⁴⁹. При этом рецензент не скрывал своего понимания, что «между наукою и современным миссионерством существуют какие-то недоразумения»; что, как ни парадоксально, это — два мировоззрения, как бы испытывающие «некоторую неловкость от взаимной встречи друг с другом»⁵⁰. Но о. Н. Фетисов делал акцент на главной мысли: история и обличение сектантства как академическая дисциплина и область богословской науки находятся в самом начале своего развития.

молокан, духоборцев и др.). Одесса, 1913. // Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 25. Неофиц. часть. С. 699–700.

⁴⁷ Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1913/14 уч. г. Киев, 1914. С. 248–273 и 273–279 соотв.

⁴⁸ Херсонские Ев. 1910. № 2. С. 25; № 3. С. 60, 70, 83 и далее.

⁴⁹ Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1913/14 уч. г. С. 259–260, 271–272.

⁵⁰ Там же. С. 249.

Поэтому следует не только использовать опыт и знания миссионеров-практиков, но и всячески приветствовать и поддерживать попытки каждого конкретного миссионера преодолеть этот разрыв и так или иначе поставить науку на служение практической миссии. Решающийся на это автор неизбежно попадает в крайне сложную ситуацию: с одной стороны, «в понимании Библии и толковании ее он не может быть вне тесного союза с научными принципами, напр., канонологии, текстологии, филологии и пр.»; с другой стороны, работая «в среде темного невежественного народа», каковыми и являются преимущественно русские сектанты, он, «к сожалению, не может дать полного простора действию своего научного аппарата» и должен использовать не «твердую пищу» богословской науки, а «пока словесное молоко»⁵¹. Но так как, увы, «жизнь не ждет», поэтому проблема «приспособляемости» научных достижений к практике церковной жизни должна решаться «здесь и сейчас», что заставляет и «строгую, серьезную науку, в силу своего прагматизма, посмотреть особым, исключительным взглядом на миссию и ее самоотверженных деятелей»⁵². Оценивая собственно научную значимость диссертации, о. Н. Фетисов высказывал некоторые замечания или, скорее, пожелания: познакомить читателя с приемами миссионерской методики и диалектики по затронутым вопросам, что отчасти объяснило бы необходимость «миссионерской приспособляемости»; попытаться защитить свои положения соотносением со святоотеческой письменностью; обратить внимание на «современный характер сектантских возражений» против затрагиваемых истин; привлечь «вероучительную литературу наших сектантов в журналах и отдельных последних книжках»⁵³. Но все эти недостатки и недоработки, с точки зрения о. Н. Фетисова, никак не умаляли значимости представленного труда, вполне достойного ученой степени магистра богословия⁵⁴.

Однако совершенно противоположным было мнение о представленном труде неофициального рецензента — профессора В. П. Рыбинского⁵⁵. Во-первых, он отмечал, что представленный труд Кальнева не имеет никаких научных достоинств и в принципе совершенно не соответствует критериям научного исследования: практически не учтена и научная, и полемическая литература по теме, а в ней уже есть практически всё, что представил автор диссертации; комментарии к проблемным вопросам банальны и не превышают уровня гимназического Закона Божия; понятия используются некорректно; нет системы в изложении

⁵¹ Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1913/14 уч. г. С. 252–253.

⁵² Там же. С. 255.

⁵³ Там же. С. 265–268.

⁵⁴ Там же. С. 273.

⁵⁵ Там же. С. 279–303.

сектантских взглядов и каких-либо ссылок на источники, только неопределенные указания «сектанты говорят»⁵⁶. Отмечая многочисленные неточности, некорректности и даже «грубые ошибки» М. А. Кальнева в толковании мест Священного Писания, В. П. Рыбинский высказывал мысль о бесполезности этого труда даже для его практического предназначения — полемики с сектантами, ибо автор сам перенимает сектантский подход: вырывание отдельных мест из текста Писания и поверхностное, произвольное их понимание⁵⁷.

При голосовании членов Совета по вопросу о присуждении Кальневу магистерской степени голоса разделились почти поровну. Всё дело решил положительный голос ректора академии епископа Иннокентия (Ястребова). Завершение процесса было благополучным для автора диссертации: решением Святейшего Синода от 11 февраля 1915 г. М. А. Кальнев был утвержден в искомой степени⁵⁸. Вместе с тем дискуссия в академическом Совете относительно оценки диссертации М. А. Кальнева позволяет выделить два уровня проблем. Первый был ситуационным, связанным с разделением в корпорации, которые внесла борьба за «автономию» 1905–1907 гг. В этом разделении можно видеть противостояние «консервативного» и «либерального» крыла духовно-академической профессуры⁵⁹, а можно — различное понимание соотношения академической свободы и церковности высшей духовной школы⁶⁰. Но вряд ли к этому можно свести проблему, «лакмусовой бумагой» которой послужила диссертация М. А. Кальнева, при всех ее реальных недостатках. Вопросы: имеет ли ценность для науки исключительно практический труд и нужно ли «практику» высшее богословское образование — оставались.

Следующим ярким моментом в миссионерском служении М. А. Кальнева и его осмыслении этого служения стал 1917 г. Тенденции Февральской революции и финишная прямая подготовки Церковного Собора обусловили проведение летом этого года многочисленных съездов, формировавшихся по разным принципам. Одним из наиболее значимых по статусу и масштабу стал Всероссийский съезд духовенства и мирян, проходивший в Москве. В рамках одной из шести секций этого

⁵⁶ Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1913/14 уч. г. С. 282–286.

⁵⁷ Там же. С. 286–302.

⁵⁸ Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии за 1914/15 уч. г. К., 1915. С. 176–178.

⁵⁹ Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: В 3 т. Т. 2. Киев, 2015. С. 23.

⁶⁰ «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / Вступ. ст., публ. и примеч. Н. Ю. Суховой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 79–81.

съезда — «О реформе прихода» — был выделен особый миссионерский отдел, перед которым была поставлена задача разработки новой концепции миссии Русской Церкви. Руководство этим отделом было возложено на М. А. Кальнева⁶¹. Съезд продолжался всего 12 дней (1–12 июня), поэтому времени для серьезных обсуждений было слишком мало. Но главный тезис, на котором настаивало большинство участников, был жестким в оценке церковной миссионерской деятельности прошлого: ее необходимо радикально преобразовать, ибо прежнее ведение миссии было тесно связано с политикой; все миссионеры, желающие служить Церкви в новых условиях, должны полностью отрешиться от старых принципов. Предлагалось отказаться даже от самого термина «миссионерство», заменив его на «проповедничество», понимая под ним утверждение «православия в жизни народной против неверия сектантства, раскола»; отказаться от «профессиональных» миссионеров и возложить новое ведение миссии исключительно на приходское духовенство⁶². Трудно понять, насколько с этими тезисами был согласен сам М. А. Кальнев. Но, исходя из того что одним из наиболее активных ораторов, возбуждавших членов отдела, был давний оппонент Кальнева миссионер Д. И. Боголюбов, можно предположить, что даже в статусе руководителя отдела Кальневу не удалось получить какой-либо перевес в своих мнениях.

«Венцом» синодальной эпохи стал Поместный Собор, в котором М. А. Кальнев принимал активнейшее участие, прежде всего, конечно, в работе Отдела о внутренней и внешней миссии. Отдел обсуждал широкую палитру вопросов, но все они фокусировались на главном — законности и необходимости существования внутренней миссии как таковой, ее объекте и организации. Но уже в первых заседаниях Отдела было изменено понятие внешней и внутренней миссии, затем представленное всему Собору. Если на протяжении всего синодального периода под внутренней миссией понималась миссионерская деятельность на территории Российской империи, а под внешней — вне ее пределов, то теперь было решено под внутренней миссией понимать действия по отношению к старообрядцам, сектантам, католикам, униатам, протестантам, под внешней же — по отношению к язычникам, мусульманам, буддистам⁶³. В своем докладе, представленном на заседании отдела 3/16 ноября 1917 г., М. А. Кальнев обращал внимание на участвовавшие случаи открытой сектантской пропаганды, обусловленные пониманием «демократии». При этом с идеями сектантства тесно сопрягались

⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 60 (Всероссийский съезд духовенства и мирян в 1917 г.). Папка 18. Ед. хр. 33/1–33/3.

⁶² Там же. Ед. хр. 33/1. Л. 1. об.

⁶³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Кн. 8. М., 1918. Репр.: 1997. С. 148.

социалистические идеи, не только противные православию, но и представлявшие опасность для Российского государства: «Желая привлечь на свою сторону темные массы народа, пропагандисты сектантства и безбожия... льстят низким страстям народа, проповедуя захват и насилие во имя якобы равенства и братства... во имя якобы свободы». Поэтому православным миссионерам в новых условиях «необходимо основательное знакомство не только с учением сектантства и атеизма, а и социализма, и не только научного, а и практического»⁶⁴.

Однако ситуация менялась по ходу обсуждений. Уже на второй сессии М. А. Кальнев, посвятивший 25 лет борьбе с сектантами, был вынужден констатировать: «В данное время не так страшны для Русской Церкви десятки хорошо подготовленных... баптистских миссионеров... не столько страшны для нее целые тучи проповедников раскола, сектантства, унии, католичества и всякого иноверия, сколько ужасен факт общего религиозного разложения народа и нравственного его самосознания... За пеленой внешнего благочестия народа от нас была скрыта степень развития в нем истинно христианского настроения»⁶⁵. Тем более важным становился вопрос об организации миссии в новых условиях, и доклад миссионерского Отдела «Обновление положения об устройстве миссии», представленный Собору 22 марта/4 апреля 1918 г. М. А. Кальневым, вызвал активную дискуссию. И хотя, согласно с другими членами Отдела, он призывал к обновлению миссионерской деятельности, но при этом отстаивал свою старую точку зрения: право на существование и необходимость для Церкви, наряду со священством и активными защитниками веры из народа, специального института миссионеров-благовестников. Эта точка зрения, казалось бы, незыблемо утвердившаяся в конце XIX — начале XX в., теперь оспаривалась с двух сторон. Некоторые соборяне настаивали на том, что право и обязанность православной миссии — прерогатива иерархии и монашества, миссионер-мирянин же представляет собой церковный нонсенс. Другие оппоненты Кальнева, наиболее активным из которых по-прежнему выступал Д. И. Боголюбов, считали «профессиональных» миссионеров бесполезными, о чем свидетельствовал опыт предыдущих лет. Причины отпадения в сектантство, считали они, лежат «в ненормальных условиях нашей церковно-приходской жизни», и этой беде «не помогут никакие специальные миссионерские организации», создающие лишь «бюрократическую армию»⁶⁶.

Но, несмотря на разногласия, в дальнейших заседаниях члены Собора обсуждали организацию миссии «в виде приходской, окружной (бла-

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 3431 (Священный Собор Православной Российской Церкви). Оп. 1. Д. 340. Л. 29 об. — 30 об.

⁶⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Кн. 8. С. 151–152.

⁶⁶ Там же. С. 154 и далее.

гочиннической), уездной, епархиальной, монашеской, областной, все-русской», хотя обсуждение каждого уровня и даже слова вызывали новые дебаты. Надо отдать должное М. А. Кальневу, стойко боровшемуся за специальную подготовку миссионеров, причем как в специальных миссионерских институтах, так и в высшей духовной школе. Соглашаясь с репликами соборян, что «ни семинарии, ни академии, что нужно для миссионерства... не давали», и это приносило вред Церкви⁶⁷, Кальнев настаивал на том, что это не беда богословского образования, как такового, а лишь нежелание и неумение «заточить» его на специальной подготовке миссионеров.

Дальнейшая судьба М. А. Кальнева была похожа на судьбы тысяч соотечественников, вынужденных искать прибежище вне пределов родины. Покинув Россию в 1919 г., в 1920 г. он осел в Болгарии. Два года (1923–1924) он преподавал в Пловдивской ДС; был востребован в церковной болгарской среде и его опыт миссионера — и практика, и теоретика. На него были возложены обязанности синодального миссионера Болгарской Церкви, редакторство специального журнала «Православен миссионер», опираясь на российский 25-летний опыт, он пытался выстроить актуальные в Болгарии диспуты с баптистами⁶⁸. Была у М. А. Кальнева еще одна попытка применить на практике и свои идеи «школьной» подготовки миссионеров. Летом 1924 г. он был приглашен в Богословско-пастырское училище в монастыре святых Кирика и Иудиты, организованное архиепископом Дамианом (Говоровым), «прочитать ряд лекций по миссионерству» студентам 3-го выпускного курса и «составить предварительную программу, соответственно потребностям времени»⁶⁹. В составленном курсе «Практического миссионерства» было отчасти выражено авторское видение того, как надо готовить в духовной школе миссионеров⁷⁰. Насколько долго преподавал Кальнев в училище, сказать трудно, так как в сохранившихся документах точных указаний нет. Но после 1934 г. он ушел от всех дел, неизвестна даже точная дата его кончины, хотя есть указания на 1942 г.⁷¹

Несколько слов в заключение. Жизненный путь М. А. Кальнева, его участие в реальной практической деятельности юго-западных епархий, труды, дискуссии даже при кратком рассмотрении не оставляют сомне-

⁶⁷ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Кн. 8. С. 159. Мнение епископа (священномученика) Кирилла (Смирнова).

⁶⁸ Шкаровский М. В. Русская церковная эмиграция в Болгарии в 1920-е гг. // ХРОНОС: Церковно-исторический альманах. Вып. 4. Минск, 2017. С. 52; Диспуты на синодалния миссионер М. А. Кальнев. София, 1920; Косик В. Русское церковное зарубежье. XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. М., 2008. С. 202–203.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6343 (Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей). Оп. 1. Д. 222. Л. 19–19 об.

⁷⁰ Там же. Л. 121–122.

⁷¹ Київська духовна академія (1819–1924) в іменах... С. 660.

ния в крайне сложной реализации евангельского призыва в конкретных исторических условиях. Разумеется, синодальный строй Русской Православной Церкви, ситуация в русском обществе в конце XIX — начале XX в. имели свои особенности, но дискуссии на предсоборных заседаниях и на самом Поместном Соборе свидетельствуют о принципиальных сложностях, не определявшихся лишь этими особенностями.

Вместе с тем судьба Кальнева, его идеи и проекты обнаруживают еще одну, не менее сложную проблему: сочетание богословской науки и «школьного» богословия в целом с вопросами церковной практики, причем миссия служит в этом наиболее чувствительной «лакмусовой бумагой». Церковное богословие, призванное решать актуальные проблемы церковной жизни, всегда стремилось исполнять этот призыв. Однако история российского духовного образования свидетельствует, что это стремление далеко не всегда имело однозначные результаты. С одной стороны, церковная власть, да и некоторые деятели российского духовного образования неоднократно обращали на это внимание: то с удовлетворением отмечая, что «школьное» богословие стало ближе к жизни, то, напротив, укоряя его в отстраненности от этой жизни, самодостаточности, нежелании решать практические церковные проблемы и готовить к этому выпускников. С другой стороны, неоднократно заявлялось, что всякая фундаментальная наука, и богословие в этом отношении не составляет исключения, подразумевает свои принципы развития и не может и не должно превращаться в прикладную. Судьба М. А. Кальнева, разумеется, не дает ответа на эту проблему, но заостряет на ней внимание и дает материал для дальнейшего осмысления.

Про авторів

- Акішин Сергій Юрійович** — кандидат богослов'я, виконуючий обов'язки завідувача кафедри церковно-практичних дисциплін Єкатеринбурзької духовної семінарії.
- Антоній (Паканич), митрополит Бориспільський і Броварський** — Керуючий справами Української Православної Церкви, заслужений професор Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я.
- Бортник Сергій Михайлович** — доктор богослов'я (Dr. Theol.), професор Київської духовної академії і семінарії.
- Бурега Володимир Вікторович** — кандидат богослов'я, кандидат історичних наук, проректор Київської духовної академії і семінарії з науково-богословської роботи, завідувач кафедри церковної історії, професор.
- Веденєєв Дмитро Валерійович** — доктор історичних наук, професор кафедри управління та гуманітарних наук Національної академії керівних кадрів культури та мистецтв.
- Віктор (Коцаба), єпископ Баришівський** — вікарій Київської Митрополії Української Православної Церкви, голова Представництва Української Православної Церкви при європейських міжнародних організаціях, голова Адміністративного апарату Київської Митрополії, доцент Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я.
- Добровольський Олександр, ієрей** — клірик Кузбаської митрополії Руської Православної Церкви.

Дробот-Тихоницький Іоанн, протодиякон — клірик кафедрального собору св. Олександра Невського в Парижі (Західноєвропейська архієпископія парафій руської традиції).

Ковач Сергій Васильович — кандидат богослов'я, викладач Київської духовної академії і семінарії.

Левко Олександр Вадимович — кандидат філологічних наук, завідувач кафедри філології та давніх мов Київської духовної академії і семінарії, доцент кафедри загального мовознавства, класичної філології та неоелліністики Інституту філології Київського Національного університету імені Тараса Шевченка.

Лука (Коваленко), митрополит Запорізький і Мелітопольський — кандидат медичних наук, голова Синодального відділу Української Православної Церкви в справах пастирської опіки козацтва та духовно-фізичного виховання молоді.

Митрофан (Божко), ієромонах — аспірант Київської духовної академії і семінарії.

Снігірьов Ростислав, протоієрей — доктор богослов'я, професор, помічник ректора Київської духовної академії і семінарії по роботі з іноземними студентами.

Сидуан (Пасенко), ієромонах — кандидат богослов'я, голова інформаційно-просвітницького відділу Херсонської єпархії Української Православної Церкви.

Сильвестр (Стойчев), єпископ Білогородський — вікарій Київської Митрополії Української Православної Церкви, ректор Київської духовної академії і семінарії, кандидат богослов'я, професор.

Соня Крістіан, священник — доктор філософії (PhD.), заступник декана факультету православного богослов'я «Бабеш-Боляй» університету Клуж-Напоки (Румунія).

Сухова Наталія Юріївна — доктор церковної історії, доктор історичних наук, професор кафедри загальної та руської церковної історії та канонічного права Православного Свято-Тихонівського гуманітарного університету.

Ткачук Віталій Анатолійович — кандидат історичних наук, заступник директора Міського музею «Духовні скарби України» (Київ).

Федчук Олександр, протоієрей — кандидат історичних наук, проректор з наукової роботи Волинської духовної семінарії.

Феофан (Меджидов), архімандрит — кандидат богослов'я, викладач Київської духовної академії і семінарії.

Ченцова Віра Георгіївна — кандидат історичних наук, асоційований співробітник лабораторії UMR 8167 «Схід та Середземномор'я. Візантійський світ» (Париж, Франція).

Чернухін Євгеній Костянтинович — кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник сектору досліджень цивілізацій Причорномор'я відділу регіоналістики Інституту історії України Національної Академії наук України.

ТРУДИ
КИЇВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ АКАДЕМІЇ
№ 32

Редактори:

монахиня Євтропія (Бобровникова)

С. І. Антонюк

Коректори:

В. В. Костюк

Оригінал-макет, дизайн

протоієрея Сергія Дерменжи

М. Б. Білецького

Київська духовна академія і семінарія
01015, м. Київ, вул. Лаврська, 15, корп. 64.
Тел.: +38 044 255-12-06, факс: +38 044 255-12-60
e-mail: pom.rektor@bk.ru

Видавничий відділ

Української Православної Церкви
01015, Київ, вул. Лаврська, 15, корп. 49
e-mail: dtp@orthodoxbook.org.ua

Підписано до друку 25.06.2020.

Формат 70×100 1/16.

Гарнітура Гарамон. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 31,1. Обл.-вид. арк. 23,2.

Тираж 1000 прим.